

Олеся
ЛИСИЦКАЯ

БЕЛЫЙ ПЛЕН

—→ детективный роман ←—

Олеся Лисицкая

Белый плен

<https://litres.ru/74069394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Швейцарские Альпы, 1937 год. Горный отель, отрезанный от мира снежной лавиной. Девять постояльцев. Один убийца.

Анна Воронцова, студентка юридического факультета, оказывается в отеле случайно. Но лавина перекрыла дорогу, помощи ждать неоткуда. А утром в кресле у камина находят тело незнакомца.

Анна — не детектив, но она читала слишком много Агаты Кристи, чтобы сидеть сложа руки. У каждого постояльца есть мотив. У каждого — своя тёмная тайна. Снег всё идёт. Убийца — среди них. И он не остановится.

«Белый плен» — атмосферный детектив в стиле Агаты Кристи. История о мести, которая зрела двадцать пять лет. О тайнах, которые не умирают. И о девушке, которая поняла: иногда справедливость нужно вершить самой.

Олеся Лисицкая

Белый плен

Белый плен

«В горах никто не услышит твоих шагов.
Но кое-кто услышит твой страх»

Олеся Лисицкая
2026

Оглавление

Глава 1. Не та станция

Глава 2. Отель «Вайсхорн»

Глава 3. Лавина

Глава 4. Тело у камина

Глава 5. Кто он?

Глава 6. Допрос первый: портье

Глава 7. Допрос второй: супруги Хейз

Глава 8. Допрос третий: Генри Уолш

Глава 9. Допрос четвёртый: фройляйн Кляйн

Глава 10. Вторая жертва

Глава 11. Мокрые ботинки

Глава 12. Шифр

Глава 13. Ловушка для убийцы

Глава 14. Все в библиотеке

Глава 15. Имя убийцы

Швейцарские Альпы, 1937 год. Горный отель «Вайсхорн», отрезанный от мира снежной лавиной. Девять постояльцев. Один убийца.

Анна Воронцова, студентка юридического факультета, оказывается в отеле случайно — поезд задержан из-за метели. Она планировала переночевать и ехать дальше. Но лавина перекрыла дорогу, телефонная линия оборвана, помощи ждать неоткуда. А утром в кресле у камина находят тело незнакомца.

Кто он? Как попал в отель? И кому понадобилось его убить?

Анна — не детектив, но она читала слишком много Агаты Кристи, чтобы сидеть сложа руки. Пока полиция не может добраться до отеля, она начинает собственное расследование. У каждого постояльца есть мотив. У каждого — своя тёмная тайна. Владелица отеля, чей муж погиб в горах десять лет назад — или не погиб? Портье с тёмным прошлым. Супруги, чей брак трещит по швам. Композитор, записывающая в нотной тетради не мелодии, а зашифрованные послания. Журналист, который не журналист. Горный проводник, который слишком много знает.

Снег всё идёт. Убийца — среди них. И он не остановится.

«Белый плен» — атмосферный детектив в стиле Агаты Кристи. Замкнутое пространство, ограниченный круг подозреваемых, неожиданная развязка. История о мести, которая зрела двадцать пять лет. О тайнах, которые не умирают. И о девушке, которая поняла: иногда справедливость нужно вернуть самой.

ГЛАВА 1. НЕ ТА СТАНЦИЯ

Поезд замедлил ход, и Анна проснулась.

Стук колёс, который последние три часа убаюкивал её мерным ритмом, стал реже, мягче, а потом и вовсе стих. За окном вагона первого класса не было видно ничего, кроме белой пелены. Снег падал густо, залепляя стекло, и казалось, что поезд плывёт сквозь облако — медленно, осторожно, как корабль в тумане.

Анна потянулась, поправила съехавший на плечо шерстяной плед, и взглянула на маленькие золотые часики на запястье — подарок отца на окончание первого курса. Четыре пополудни. Стрелки двигались лениво, будто тоже замёрзли. По расписанию она должна была прибыть в Цюрих к вечеру, пересесть на ночной экспресс до Берна, а к утру уже обнимать тётю Марту на пороге её уютного дома с геранью на окнах. Но что-то пошло не так. В горах всегда что-то идёт не так — это Анна знала с детства.

Она помнила, как отец рассказывал ей о своих экспедициях. Он был геологом, вечно пропадал в горах — то на Урале,

то в Карпатах, то где-то в Средней Азии. Возвращался загорелый, обветренный, с рюкзаком, полным камней, и с историями, от которых у маленькой Анны захватывало дух. «Горы, Анечка, — говорил он, сажая её на колени, — это место, где человек остаётся наедине с собой. Там нет масок. Там всё настоящее». Тогда она не понимала, что он имеет в виду. Сейчас, глядя на снежную стену за окном, кажется, начинала понимать.

— Дамы и господа, — раздался голос проводника из коридора, усиленный жестяным рупором, — в связи с погодными условиями поезд делает вынужденную остановку на станции Визен. Повторяю: станция Визен. Просим пассажиров, следующих далее, пересесть на альтернативный транспорт. Приносим извинения за временные неудобства. Альтернативный транспорт ожидает на площади.

Визен. Анна никогда не слышала этого названия. Она вообще плохо знала эту часть Альп — только по картам, которые любила разглядывать в детстве, лёжа на ковре в отцовском кабинете. Карты были старые, ещё довоенные, с вытертыми сгибами и пометками карандашом. Отец чертил на них маршруты, а Анна водила пальцем по извилистым линиям и представляла себя великой путешественницей. Визена на тех картах не было. Значит, станция совсем маленькая.

Она вздохнула и принялась собирать вещи. Это заняло немного времени: Анна путешествовала налегке. Небольшой кожаный чемодан с монограммой «А.В.» (подарок мамы на

совершеннолетие), саквояж, в котором лежали книга, перчатки, флакончик лавандовой воды и серебряная пудреница, пальто из серого твида и ненавистная шляпка с вуалью. Последнюю мама буквально силой всучила ей перед отъездом: «Ты едешь в Швейцарию, Анечка, а не в лагерь скаутов. Будь добра выглядеть как леди». Анна терпеть не могла шляпки. Они постоянно сползали, цеплялись за волосы и мешали смотреть по сторонам. Но маме перечить было сложнее, чем носить шляпку.

Она надела пальто, застегнула все пуговицы, поправила воротник и вышла в коридор. Там уже толпились пассажиры — кто-то возмущался, кто-то зевал, кто-то нервно курил, стряхивая пепел прямо на ковровую дорожку. Анна протиснулась к выходу и ступила на перрон.

Станция оказалась именно такой, какой она её себе представляла. Крошечной. Затерянной. Словно бы игрушечной. Одноэтажное здание из серого камня, крытое красной черепицей, которую снег почти полностью скрыл под белой шапкой. Над перроном висел фонарь — он мигал и тихо гудел на ветру, отбрасывая на снег дрожащий жёлтый круг. На деревянной табличке под козырьком значилось: «Wiesen». И больше ничего. Ни кассы, ни буфета, ни носильщика. Только снег, горы и тишина.

Анна огляделась. Кроме неё, из поезда вышли ещё трое. Пожилая пара — мужчина в добротном твидовом пальто и

дама в меховой накидке, — которые тут же скрылись за дверью вокзала, о чём-то переговариваясь вполголоса. И высокий мужчина в сером пальто с поднятым воротником. Он быстро, не оглядываясь, пересёк перрон и растворился в снежной мгле, даже не взглянув на Анну.

Она осталась одна.

Снег падал и падал — крупными, пушистыми хлопьями, которые таяли на щеках и ресницах. Тишина стояла такая глубокая, что звон в ушах казался громче поездного гудка. Анна поёжилась. Холод пробирался под пальто, заставляя мышцы напрягаться. «И зачем я только согласилась на эту поездку?» — мелькнула мысль. Но она знала зачем. Тётя Марта была её любимой родственницей — эксцентричной, весёлой, не похожей на чопорную маму. Она присылала Анне открытки из всех уголков Европы и подписывала их: «Жду тебя, моя дорогая детективщица!». Да, тётя Марта знала о её увлечении детективами. Знала и поощряла.

Анна уже собралась зайти внутрь вокзала — не мёрзнуть же на перроне, в самом деле, — когда услышала скрип полозьев.

Из-за поворота, из белой пелены, выехали сани. Самые настоящие — деревянные, с высокими резными бортами, запряжённые парой гнедых лошадей. Их гривы были покрыты инеем, из ноздрей вырывался пар. На козлах сидел мужчина, закутанный в тулуп. Меховая шапка надвинута до самых бровей, усы — в сосульках, а глаза — неожиданно молодые

и живые, светло-серые, как талая вода.

— Вы мисс Воронцова? — спросил он, натягивая поводья. Голос был хрипловатый, но приятный. Акцент — не то французский, не то местный, альпийский. Анна не могла точно определить. Она вообще плохо разбиралась в языках, в отличие от права — там она чувствовала себя как рыба в воде.

— Да, — ответила она, стараясь, чтобы зубы не стучали от холода. — А вы, простите...

— Меня прислали из отеля. Поездов сегодня больше не будет. Дорогу заметает. Метель только начинается, а к ночи будет такая, что носа не высунешь.

Он замолчал, оценивающе глядя на Анну. Потом усмехнулся в усы — и улыбка у него оказалась открытая, немного смущённая, как у человека, который редко видит людей и отвык от общения, но всё ещё помнит, как быть вежливым.

— У нас есть комнаты, — добавил он. — Тёплые. И ужин. Мадам Дюбуа не любит, когда гости остаются голодными.

— Отель? — Анна нахмурилась. — Я не заказывала отель. Я вообще-то ехала в Берн.

— Знаю. Но ночевать на станции нельзя. Печку здесь не топят уже месяц — некому. А до ближайшего города вы сегодня не доберётесь, даже если бы у вас были крылья. Перевал закрыт. Так что... — он развёл руками, всё ещё улыбаясь. — Добро пожаловать в «Вайсхорн».

«Вайсхорн». Белый рог. Анна мысленно перевела название. Звучало внушительно. И немного пугающе.

Она колебалась ровно три секунды. Вспомнила совет отца — «В горах никогда не отказывайся от крова, дочка. Никогда. Даже если он кажется тебе подозрительным». И ещё — его рассказ о том, как он сам однажды переночевал в заброшенной хижине и наутро обнаружил, что она была не такой уж заброшенной. Но это совсем другая история.

— Хорошо, — сказала Анна. — Я еду.

Мужчина кивнул и протянул ей руку, помогая забраться в сани. Рука была крепкая, мозолистая — явно привыкшая к тяжёлой работе. Анна села, укуталась в предложенный плед из грубой овечьей шерсти и поставила чемодан в ноги. Проводник — или кто он там был — взмахнул вожжами, и лошади тронулись.

Станция исчезла за пеленой снега почти мгновенно. Как будто её и не было.

Вокруг был только лес. Тёмный, молчаливый, укутанный в белое. Ели стояли, как часовые, отяжелевшие от снега ветви клонились к земле. Сани скользили почти бесшумно, только полозья поскрипывали да лошади иногда всхрапывали, встряхивая головами. Анна куталась в плед и думала, что таких мест она ещё не видела. Всё было каким-то нереальным, как на рождественской открытке. Или во сне — том самом, из которого не хочется просыпаться, потому что он слишком красив, чтобы быть правдой.

— Далеко ехать? — спросила она, чтобы нарушить молчание.

— Полчаса. Может, больше. Смотри как лошади пойдут. Дорога сегодня тяжёлая — снег глубокий.

— Вы часто так? Возите гостей?

— Нет, — он покачал головой. — Я горный проводник. И охотник. В основном вожу альпинистов. Но сейчас не сезон. А мадам Дюбуа попросила помочь — у неё портье один, а гостей надо встречать. Она хорошая женщина. Строгая, но справедливая.

— Мадам Дюбуа, — повторила Анна. Имя звучало как название дорогих духов или какого-нибудь сорта французского сыра. — А вы? Как вас зовут?

— Пьер, — ответил он, не оборачиваясь. — Пьер Леклерк.

— Француз?

— Наполовину. Мать — местная. Отец — из Лиона. — Он помолчал. — А вы, мисс, издалека?

— Из Англии. Ну, почти. Я там учусь сейчас. А родилась в России.

Пьер кивнул, но ничего не сказал. Может быть, ему было всё равно. А может быть, он просто не знал, что сказать. Анна заметила, что он вообще говорит мало, но каждое слово будто взвешивает. Привычка горного жителя — здесь слова уносит ветром, а поступки остаются.

Дорога пошла вверх. Лес расступился, и впереди показал-

ся отель.

Анна невольно ахнула.

«Вайсхорн» стоял на склоне горы, как замок из сказки братьев Гримм. Четыре этажа, мансарда под остроконечной крышей, десятки окон, светящихся в сумерках тёплым жёлтым и оранжевым светом. Фасад был отделан тёмным деревом и камнем, балконы опоясывали второй и третий этажи. Над массивной дубовой дверью — деревянная вывеска с искусно вырезанным горным козлом. Его рога были покрыты инеем, и в свете фонарей он казался живым.

Вокруг — ни души. Только горы. Только снег. Только тишина.

— Приехали, — сказал Пьер, натягивая поводья.

Сани остановились у крыльца. Анна выбралась, чувствуя, как замёрзшие ноги не сразу слушаются. Она поправила шляпку, которая, как всегда, сползла набок, и замерла, глядя на отель.

Он был прекрасен. Бесспорно. Но что-то в нём тревожило. Может быть, тишина — слишком глубокая для места, где живут люди. Может быть, ощущение, что из окон за ней наблюдают — пристально, не мигая. Анна обвела взглядом фасад. В одном из окон второго этажа колыхнулась штора. Или ей показалось?

— Прошу, — Пьер указал на дверь

Анна тряхнула головой, отгоняя глупые мысли. «Ты просто устала, — сказала она себе. — Это просто отель. Обыч-

ный горный отель. И незачем тут мерещиться всякие ужа-сы». Она поправила саквояж и направилась к входу.

Дверь открылась раньше, чем она успела взяться за ручку.

На пороге стоял мужчина. Высокий, худощавый, с бледным, почти бескровным лицом и тёмными глазами, которые, казалось, смотрели сквозь неё. Чёрный костюм сидел на нём безупречно, как на манекене. Волосы зачёсаны назад и прилизаны. На левой руке — серебряный перстень с тёмным камнем.

— Добрый вечер, — произнёс он бесцветным голосом. — Вы мисс Воронцова?

— Да, — Анна постаралась, чтобы её голос звучал уверенно.

— Мадам Дюбуа предупреждена. Меня зовут Клаус. Я портье. Прошу.

Он отступил, пропуская её внутрь. Анна вошла.

Холл отеля поражал воображение. Высокий потолок с деревянными балками, огромный камин, в котором пылал огонь, отбрасывая пляшущие тени на стены. Пол из тёмного полированного дерева. Тяжёлые бархатные шторы цвета бордо. На стенах — картины в золочёных рамах: горные пейзажи, портреты каких-то суровых мужчин и женщин в старомодных платьях. В углу — напольные часы, которые мерно тикали, отсчитывая секунды.

Пахло деревом, воском для мебели и чем-то сладким — кажется, ванилью или миндалём. И ещё — едва уловимо —

дымом от камина.

— Ваш номер на втором этаже, — сказал Клаус, протягивая ей ключ. Тяжёлый, латунный, с номером «7». — Ужин в восемь. Мадам Дюбуа просит не опаздывать. Она ценит пунктуальность.

— Благодарю, — Анна взяла ключ и направилась к лестнице.

Лестница была широкая, устланная ковровой дорожкой с вытертым узором. Перила — резные, тёмного дерева. Ступени тихо поскрипывали под ногами, и этот скрип эхом разносился по холлу. Анна поднялась на второй этаж и пошла по коридору, разглядывая номера на дверях. Четыре. Пять. Шесть. Семь.

Она отперла дверь и вошла.

Номер был небольшим, но уютным. Кровать с латунными шпильками, застеленная белоснежным бельём. Письменный стол у окна, за которым не было видно ничего, кроме снега. Платяной шкаф. Умывальник с фарфоровым кувшином. На тумбочке — керосиновая лампа. Анна зажгла её. Свет залил комнату тёплым золотом, и сразу стало немного спокойнее.

Она поставила чемодан у шкафа, сняла пальто, повесила на спинку стула. Шляпку — туда же. Подошла к окну. За стеклом была только белая стена снега. Ничего не разглядеть. Анна прижалась лбом к холодному стеклу и попыталась

представить, что там, снаружи. Горы. Лес. Тропа, по которой она приехала. И — ни души на много миль вокруг.

Она села на кровать и почему-то вспомнила строчку из книги, которую читала в поезде: «Убийца всегда находится в самой неожиданной близости. Чаще всего — в соседней комнате». Агата Кристи умела создавать настроение.

— Глупости, — сказала Анна вслух. — Какие убийцы? Это просто отель.

Собственный голос прозвучал не очень убедительно.

Она достала из саквояжа книгу, открыла на заложенной странице и попыталась читать. Но буквы расплывались перед глазами. Мысли путались. Внизу, в холле, послышались голоса. Кто-то спорил. Женский голос — резкий, почти истеричный, с английским акцентом. И мужской — глухой, успокаивающий, тоже английский.

— Я не могу здесь оставаться! — донёсся обрывок фразы. — Ты обещал, Эдвард!

— Тише, Маргарет, тише. Ты привлекаешь внимание.

— Мне всё равно! Я хочу уехать. Немедленно.

— Ты знаешь, что это невозможно. Перевал закрыт. Пожалуйста, возьми себя в руки.

Голоса стихли. Хлопнула дверь. Анна поняла, что стоит у двери и прислушивается. Она отступила и покачала головой. Неприлично подслушивать. Но любопытство — с ним ничего не поделаешь.

Она снова села на кровать. И в этот момент в коридоре

раздались шаги. Тяжёлые, медленные. Кто-то шёл по коридору — мимо двери номер четыре, пять, шесть — и остановился прямо напротив её номера.

Анна замерла.

Тишина. Секунда. Две. Три.

Она смотрела на дверь. Под дверью горела полоска света из коридора, и эту полоску пересекала тень. Кто-то стоял там. Прямо за дверью. И, кажется, слушал.

Шаги раздались снова — теперь они удалялись. Анна выдохнула и поняла, что всё это время не дышала. Сердце колотилось где-то в горле. Она подошла к двери и заперла её на ключ.

«Прекрати, — сказала она себе, глядя в зеркало над умывальником. — Ты взрослая женщина. Почти юрист. Ты не веришь в привидения. Ты просто устала с дороги».

Отражение в зеркале смотрело на неё с сомнением.

Она вернулась к кровати, легла не раздеваясь и уставилась в потолок. Сон не шёл. За окном выл ветер. Где-то внизу, в камине, потрескивали дрова. И тишина — тяжёлая, как снег за окном, — давила на уши.

Анна не знала, сколько прошло времени, когда она наконец провалилась в сон. Тревожный, обрывочный. Ей снились горы. Огромные, чёрные, без снега. И кто-то звал её по имени.

А утром всё изменилось.

ГЛАВА 2. ОТЕЛЬ «ВАЙСХОРН»

Анна проснулась от холода.

Не от того холода, который пробирается под одеяло и заставляет ёжиться, а от того, который идёт изнутри — от неясной тревоги, поселившейся где-то под сердцем ещё вчера и за ночь успевшей пустить корни. Она открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок. Белый. С лепниной по углам. Незнакомый.

Потом всё вспомнила. Поезд. Станция. Сани Пьера. ОТЕЛЬ. Шаги за дверью.

Анна села на кровати и огляделась. В комнате было светло — снег за окном отражал утреннее солнце, и свет был рассеянный, мягкий, как на картинах импрессионистов. Керосиновая лампа на тумбочке погасла, и стекло запотело. Часы на запястье показывали начало восьмого. Анна встала, потянулась и подошла к окну.

За ночь ничего не изменилось. Снег всё так же падал — теперь мельче, но гуще, и ветер гнал белую крупу вдоль склона. Дороги видно не было. Вообще ничего не было видно, кроме снега и смутных очертаний елей внизу. Мир за окном казался нарисованным белой краской по серому холсту. Анна поёжилась и отошла от окна.

Она умылась ледяной водой из кувшина, причесалась, надела свежую блузку и то же серое твидовое пальто — другого всё равно не было. Шляпку она решила оставить в номере.

В конце концов, мама не узнает. А если узнает — что ж, они в горах, здесь не до манер.

В дверь постучали.

Анна вздрогнула. Вчерашний страх ещё не до конца выветрился. Она подошла к двери и спросила:

— Кто там?

— Клаус, портье. Мадам Дюбуа приглашает вас на завтрак. Он сервирован в малой столовой на первом этаже.

Голос был тот же — бесцветный, ровный. Как у человека, который давно не испытывает никаких эмоций, или хорошо их скрывает.

— Благодарю, — ответила Анна. — Я сейчас спущусь.

Шаги удалились. Анна подождала несколько секунд, отперла дверь и выглянула в коридор. Пусто. Она выдохнула.

Коридор днём выглядел иначе, чем ночью. Свет из окон в торце заливал его ровным серым сиянием, и вчерашние тени отступили. Анна заметила то, на что не обратила внимания в темноте: стены были обиты тёмным деревом, а вдоль них стояли узкие столики с фарфоровыми вазами. В вазах — засушенные горные цветы. Эдельвейсы. Анна узнала их по рассказам отца: «Самый чистый цветок, Анечка. Растёт только высоко в горах. Там, где воздух прозрачный, а люди — настоящие».

Она спустилась по лестнице в холл.

Здесь тоже было светлее, чем вчера. Огонь в камине уже горел, и от него шло приятное тепло. Напольные часы всё

так же тикали. В углу, в глубоком кожаном кресле, сидела женщина, которую Анна не заметила вчера.

Женщина была немолода — лет сорока, может, чуть больше. Одета в тёмно-синее платье с глухим воротом, волосы убраны в строгий пучок. На коленях — кожаная папка для нот и перьевая ручка. Она что-то писала, низко склонившись над бумагой, и не подняла головы, когда Анна прошла мимо. Только рука с ручкой на секунду замерла, а потом продолжила выводить неровные строчки.

Анна хотела поздороваться, но что-то в позе этой женщины остановило её. Такая сосредоточенность, такое напряжение чувствовалось в каждом движении, что прерывать казалось почти преступлением.

Малая столовая находилась справа от холла. Анна толкнула дверь и вошла.

Комната была небольшой, но уютной. Длинный стол, накрытый белой скатертью, человек на восемь. Фарфор, серебро, салфетки, сложенные веером. На буфете — кофейник, чайник, корзинка со свежими булочками, масло, джем, сыр. За столом уже сидели двое.

Пожилая пара. Те самые, что вышли с ней на станции Ви-зен.

Мужчина — лет пятидесяти пяти, подтянутый, с седыми висками и аккуратно подстриженными усами. Одет в безупречный твидовый костюм, при галстуке. Он держал в руках газету — старую, по виду вчерашнюю или даже позавче-

рашнюю, — и делал вид, что читает. Но Анна заметила: глаза его не двигаются по строчкам. Он смотрит сквозь газету.

Дама — его жена, Анна сразу поняла это по тому, как они сидели, чуть повёрнутые друг к другу, но при этом напряжённо отстранённые. Она была моложе мужа, но не намного. Светлые волосы уложены волнами, на шее — нитка жемчуга, которая, казалось, душила её. Она нервно крошила булочку на мелкие кусочки, не поднося ни одного ко рту. Пальцы её дрожали.

— Доброе утро, — сказала Анна, входя.

Мужчина отложил газету и привстал. Вежливость, доведённая до автоматизма.

— Доброе утро, мисс...?

— Воронцова. Анна Воронцова.

— Эдвард Хейз, — он слегка поклонился. — Моя жена, Маргарет.

Маргарет подняла глаза. Они были бледно-голубые, почти прозрачные, и в них стояла такая тревога, что Анне стало не по себе.

— Очень приятно, — сказала Маргарет. Голос был тихим и надтреснутым. — Вы тоже застряли здесь?

— Похоже на то, — Анна села напротив и потянулась за кофейником. — Я ехала в Берн.

— Мы тоже, — Эдвард Хейз сложил газету. — Вернее, мы ехали в Цюрих, а оттуда должны были лететь в Лондон. Но погода, как видите, внесла коррективы.

— Вы англичане? — спросила Анна, хотя акцент уже выдал их.

— Да. Из Суррея. Путешествуем. Вернее... — он осёкся и взглянул на жену. — Отдыхаем.

Маргарет ничего не сказала. Она продолжала крошить булочку. Крошки уже покрывали всю тарелку. Анна заметила, что на её руке, чуть выше запястья, виднелся синяк — жёлтый, старый, но всё ещё заметный. Маргарет, поймав её взгляд, поспешно одёрнула рукав и опустила глаза.

Завтрак продолжался в молчании. Анна пила кофе и думала. Ей не нравилось то, что она видела. Супруги Хейз явно что-то скрывали. И это «что-то» явно не делало их счастливей.

— Вы давно здесь? — спросила Анна, чтобы нарушить неловкую тишину.

— Третий день, — ответил Эдвард. — Мы приехали ещё до лавины. Хотели провести здесь неделю. Тишина, горы, свежий воздух. Маргарет доктора рекомендовали...

— Эдвард! — резко перебила его жена. В её голосе звякнул металл. — Мисс Воронцовой неинтересны мои медицинские подробности.

Эдвард осёкся. На его лице промелькнуло выражение — смесь вины и раздражения. Он снова взял газету и спрятался за ней.

Анна сделала глоток кофе. Он был горький и обжигающий.

В этот момент дверь столовой распахнулась, и на пороге появился новый персонаж.

Это был мужчина лет тридцати. Высокий, широкоплечий, с открытым лицом и обаятельной улыбкой, которая, казалось, озаряла комнату ярче камина. Светлые волосы слегка растрёпаны, на подбородке — лёгкая небритость. Одет он был небрежно, но дорого: светлая рубашка без галстука, пиджак из хорошей шерсти, на ногах — кожаные ботинки, какие носят заядлые путешественники.

— Доброе утро, дамы и господа! — провозгласил он с американским акцентом. — Надеюсь, кофе ещё остался? Потому что я готов убить за чашку кофе. Буквально.

Он рассмеялся собственной шутке и направился к буфету.

— Генри Уолш, — представился он, плюхаясь на стул рядом с Анной. — Журналист. Из Нью-Йорка. Пишу для «Трэвел Мэгэзин». Статья о горных отелях Европы. Предполагалось, что это будет уютный, тёплый материал. Но, кажется, я получу триллер. Лавина, снег, отсутствие связи — это же готовый сюжет для романа, а?

Он говорил легко, быстро, перескакивая с темы на тему. Анна сразу обратила внимание на его руки — они были в постоянном движении: то поправляли вилку, то перекладывали салфетку, то постукивали по столу. И ещё она заметила: пока он завтракал, его глаза ни на секунду не оставались в покое. Он сканировал комнату. Каждого сидящего. Каждую деталь.

— А вы, мисс...?

— Воронцова. Анна.

— Анна! Прекрасное имя. Русское, верно? У меня была статья о России. «Медведи, водка и балалайка» называлась. Редактор завернул — сказал, стереотипы. — Он усмехнулся.

— А вы здесь какими судьбами?

— Проездом. Как и все.

— Как и все, — повторил он, и на секунду его улыбка стала другой — не журналистской, не профессиональной, а какой-то изучающей. — Кроме одного человека.

— Что вы имеете в виду? — спросила Анна.

— Ну как же. Один из постояльцев здесь не проездом. Он здесь по делу. Или по чьей-то воле.

— Кто?

Генри пожал плечами и откусил булочку.

— Понятия не имею. Но в таких местах всегда есть кто-то, кто знает больше, чем говорит. Или вы не замечали?

Анна не ответила. Она смотрела на Генри и думала: «Слишком обаятельный. Слишком любопытный. И слишком много знает для человека, который просто застрял здесь из-за снега».

Завтрак подходил к концу. Эдвард и Маргарет встали и, извинившись, вышли. Генри допил кофе и, хлопнув себя по коленям, поднялся.

— Ну что ж, Анна Воронцова, — сказал он. — Похоже, мы с вами застряли здесь надолго. Может, вместе проведём

расследование?

— Какое расследование?

— Самое интересное, — он подмигнул. — Расследование тайн отеля «Вайсхорн».

И вышел, насвистывая.

Анна осталась одна. Она сидела в пустой столовой и смотрела на крошки, оставшиеся на тарелке Маргарет Хейз. Мысли путались. Слишком много странных людей для одного маленького отеля. Слишком много недосказанностей.

Она допила кофе — он уже совсем остыл — и решила осмотреть отель. В конце концов, если ей предстоит застрять здесь на несколько дней, нужно хотя бы знать, где что находится.

Она вышла из столовой и направилась в холл. Женщина в кресле по-прежнему сидела там — всё так же склонившись над нотами. Теперь Анна разглядела её лучше. У неё было бледное, почти аскетичное лицо, тонкие губы, тёмные брови врзлёт. На вид — лет сорок. Но что-то в ней казалось старше — может быть, взгляд. Или осанка. Или то, как она держала ручку — цепко, будто боялась, что её отнимут.

— Доброе утро, — решила Анна.

Женщина подняла голову. Глаза у неё были тёмные, почти чёрные, и смотрели они с той особой пронизательностью, которая свойственна либо очень умным людям, либо очень опасным.

— Доброе, — ответила она с сильным акцентом. Австрий-

ским или немецким — Анна не разобрала. — Вы новенькая.

— Да. Приехала вчера вечером.

— Я слышала. — Она закрыла папку, но недостаточно быстро, и Анна успела заметить: на страницах были не ноты. Какие-то значки. Странные, не похожие на музыкальную грамоту. — Меня зовут фройляйн Кляйн. Ида Кляйн.

— Композитор?

— Можно и так сказать. — Она чуть улыбнулась, и улыбка эта была холодной. — Я пишу музыку. Работаю над симфонией. Тишина гор способствует творчеству.

— Понимаю, — кивнула Анна, хотя не понимала. Ей казалось, что человек, пишущий музыку, должен быть более... тёплым? Эмоциональным? Но фройляйн Кляйн была похожа на скрипку, которую забыли настроить: всё правильно, а звук не тот.

— Вы надолго? — спросила Ида.

— Как и все. Пока не расчищают дорогу.

— Дорогу? — фройляйн Кляйн усмехнулась. — Милая моя, вы ещё не поняли? Дорогу здесь расчищают не всегда. Иногда горы решают, кто уедет, а кто останется. Навсегда.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она хотела спросить, что Ида имеет в виду, но та уже снова открыла папку и углубилась в свои записи. Разговор был окончен.

Анна прошла дальше. За холлом начинался коридор, ведущий в библиотеку. Она заглянула туда.

Библиотека была прекрасна. Высокие стеллажи, уходящие под потолок. Тысячи книг в кожаных переплётах с золотым тиснением. Массивный стол посреди комнаты. Кресла. Торшеры. И камин — второй в этом отеле, поменьше, но такой же жаркий.

У камина стоял Пьер Леклерк.

Он не заметил Анну — стоял спиной к двери и смотрел на огонь. В руке он держал что-то маленькое, блестящее. Медальон? Часы? Анна не успела разглядеть — Пьер услышал её шаги и резко обернулся. Рука сжалась в кулак, пряча предмет.

— А, мисс Воронцова, — сказал он. Голос был спокойным, но Анна заметила: он напряжён. — Как спалось?

— Спасибо, хорошо. — Она сделала вид, что не заметила его резкого движения. — А вы что, тоже живёте в отеле?

— Нет. Я живу в деревне ниже по склону. Но из-за лавины мадам Дюбуа разрешила мне остаться. Сказала — лишние руки не помешают.

— А где вы были сегодня ночью?

Вопрос вырвался сам собой. Анна тут же пожалела о нём — он прозвучал слишком прямо, почти как допрос.

Пьер прищурился.

— Спал. В комнате для персонала. А что?

— Нет, ничего. Просто... Мне показалось, кто-то ходил по коридору ночью.

— Вам показалось, — сказал он твёрдо. — В этом отеле

по ночам все спят. Кроме, может быть, привидений.

Он улыбнулся, но улыбка вышла натянутой. Анна поняла, что разговор окончен, и вышла из библиотеки.

Остаток утра она провела, бродя по отелю. Осмотрела второй этаж — там были только номера. Третий — тоже. На четвёртом этаже, в мансарде, обнаружилась запертая дверь. Анна подёргала ручку — бесполезно. Приложила ухо — тишина.

— Туда нельзя, — раздался голос за спиной.

Анна вздрогнула и обернулась. Клаус стоял в конце коридора — бледный, неподвижный, как статуя.

— Почему?

— Там личные покои мадам Дюбуа. Она не любит гостей в этой части дома.

— Простите, я не знала.

— Теперь знаете. — Он развернулся и бесшумно исчез.

Анна спустилась обратно в холл. День тянулся медленно. За окнами падал снег. Часы тикали. Где-то наверху, в одном из номеров, снова спорили Эдвард и Маргарет — их приглушённые голоса доносились сквозь перекрытия. Анна села у камина и попыталась читать.

Но сосредоточиться не получалось. Слишком много вопросов. Слишком много странностей.

Почему Генри Уолш, журналист, так внимательно всех разглядывает? Почему Маргарет Хейз нервничает и прячет

синяки? Что за значки в тетради фройляйн Кляйн? Что прятал Пьер в библиотеке? И почему Клаус смотрит на неё так, будто знает что-то, чего она сама о себе не знает?

И главное — что это за шаги она слышала ночью? Кто стоял за её дверь? И зачем?

Анна закрыла книгу и уставилась в огонь. В голове крутилась одна фраза — та самая, которую она прочитала вчера в поезде: «Убийца всегда находится в самой неожиданной близости».

Она покачала головой. Глупости. Нет никаких оснований думать о плохом. Просто старый отель. Просто странные люди. Просто совпадения.

Но где-то глубоко внутри она уже знала: что-то случится. Что-то, что изменит всё.

За окнами выл ветер. Снег всё падал и падал. И отель «Вайсхорн» держал своих гостей в белом плену, не обещая скорого освобождения.

ГЛАВА 3. ЛАВИНА

День тянулся бесконечно.

Анна провела его, слоняясь по отелю, как зверь в клетке. Она пыталась читать, но буквы расползались перед глазами. Пыталась писать письмо тёте Марте — но о чём писать? «Дорогая тётя, я застряла в отеле, где все ведут себя так, будто скрывают по меньшей мере по одному трупу в шкафу. Наде-

юсь, скоро увидимся. Целую, Анна». Нет, такое письмо лучше не отправлять. Да и отправить его всё равно было нельзя — телефонная линия молчала, а дорога была погребена под тоннами снега.

Она попыталась заговорить с Маргарет Хейз, но та лишь покачала головой и заперлась в своём номере. Эдвард Хейз сидел в холле с газетой и делал вид, что читает — Анна уже поняла, что это его привычная маска. Генри Уолш куда-то исчез сразу после завтрака. Пьер Леклерк ушёл проверять лошадей. Фройляйн Кляйн не покидала своего кресла, но на все вопросы отвечала односложно, не отрываясь от своей загадочной нотной тетради.

К вечеру Анна знала отель наизусть.

Она знала, что на втором этаже семь номеров, и в них живут: она сама (номер 7), супруги Хейз (номер 4), Генри Уолш (номер 2) и фройляйн Кляйн (номер 5). Номера 1, 3 и 6 пустовали. На третьем этаже было ещё шесть номеров, но все они стояли запертыми — мёртвый сезон. Комната Клауса находилась в конце коридора первого этажа, рядом с кухней. Пьеру выделили каморку рядом с кладовой. Мадам Дюбуа занимала четвёртый этаж, мансарду — ту самую запертую дверь, к которой Анна пыталась подойти утром.

Она знала расположение всех комнат. Знала, где находится библиотека, малая столовая, большая столовая (закрытая на зиму), курительная комната, зимний сад (три пальмы в кадках и сломанный фонтан), кухня, кладовая, чулан для

лыж.

Она знала, что в холле есть напольные часы, которые бьют каждые полчаса. Что третья ступенька на лестнице скрипит громче остальных. Что из окна в конце коридора второго этажа виден не только склон, но и край ледника, если приглядеться.

Она знала отель. Но она не знала его тайн.

И чем больше она узнавала, тем сильнее ей казалось, что тайны здесь повсюду — они прячутся в складках бархатных штор, в трещинах старого дерева, в молчании постояльцев, в том, как они смотрят друг на друга, когда думают, что никто не видит.

Обед прошёл в той же малой столовой, что и завтрак. Подавала горничная — молодая девушка, которую Анна раньше не видела. Клаус представил её как Хельгу, племянницу мадам Дюбуа, которая помогала на кухне. Хельга была молчалива и пуглива, как лань, — ставила тарелки и тут же исчезала. Анна попыталась с ней заговорить, но девушка лишь испуганно взглянула на неё и пробормотала что-то на местном диалекте, чего Анна не поняла.

За обедом Анна заметила ещё одну странность.

Фройляйн Кляйн сидела на своём обычном месте — в кресле у камина. Но когда горничная проходила мимо, Ида чуть заметно кивнула ей, и Хельга, не сказав ни слова, сунула ей в руку сложенную записку. Всё это произошло за долю секунды — Анна едва успела заметить. Но она заметила. И

сделала мысленную пометку.

После обеда она вышла на террасу.

Терраса огибала отель с западной стороны. Летом здесь, наверное, стояли столики и шезлонги, и гости пили лимонад, глядя на вершины. Сейчас терраса была пуста и заметена снегом почти по пояс. Анна постояла несколько минут, кутаясь в пальто. Холод пробирал до костей, но воздух был чистым и острым, как лезвие. Где-то вдалеке, в белой мгле, угадывались вершины — неприступные, равнодушные, вечные.

И вдруг она услышала голоса.

Два человека разговаривали за углом террасы, там, где начиналась хозяйственная пристройка. Анна не видела их, но голоса доносились отчётливо — мужской и женский. Женский она узнала сразу: резкий, гортанный, с сильным австрийским акцентом. Фройляйн Кляйн.

— Ты должен сделать это сегодня, — говорила она. — Сегодня ночью. Завтра может быть поздно.

— Я не могу, — отвечал мужской голос. — Мадам Дюбуа заподозрит. Она уже спрашивала меня. Что-то она знает.

— Ничего она не знает. Она только догадывается. Но если ты будешь медлить, догадки превратятся в уверенность. И тогда всё пропало.

— А если нас поймают?

— Не поймают, если ты не будешь трусом. Ты же не трус,

Пьер?

Анна затаила дыхание.

Пьер Леклерк. Горный проводник. Человек с обветренным лицом и открытой улыбкой. Он что-то замышлял вместе с фройляйн Кляйн. Что-то, о чём не должна была знать мадам Дюбуа. Что-то, что должно было случиться этой ночью.

— Хорошо, — сказал Пьер после долгой паузы. Голос его звучал подавленно, как у человека, который соглашается против воли. — Сегодня. После того, как все уснут.

— Вот и славно. — В голосе Иды послышалось удовлетворение. — Ты знаешь, что делать. И помни: он не должен ничего заподозрить

Анна услышала шаги — они направлялись в её сторону. Она быстро, насколько позволял снег, отступила в тень и прижалась к стене. Сердце колотилось. Фройляйн Кляйн прошла в нескольких шагах от неё, не заметив, и скрылась за дверью. Через минуту вышел Пьер. Лицо его было мрачным. Он постоял, глядя на горы, засунул руки в карманы и тоже ушёл.

Анна выдохнула и поняла, что замёрзла до дрожи.

«Он не должен ничего заподозрить». Кто — «он»? О ком они говорили? Что должно случиться этой ночью?

Она вернулась в отель. Холл встретил её теплом камина и привычным тиканьем часов. Всё было как прежде. И в то же время — всё изменилось. Теперь она знала точно: в отеле что-то происходит. Что-то опасное. И она, Анна Воронцова,

— единственная, кто об этом догадывается.

Вечером был ужин.

Мадам Дюбуа впервые появилась лично. Она спустилась по лестнице ровно в восемь, как и обещал Клаус, и Анна наконец увидела хозяйку отеля.

Мадам Дюбуа оказалась именно такой, какой Анна её представляла — и в то же время совершенно другой. Высокая, статная, с царственной осанкой. Ей было за шестьдесят, но возраст не сломил её, а лишь отточил черты — как ветер точит скалу, делая её только крепче. У неё было властное лицо с резкими скулами и глубоко посаженными глазами. Волосы — совершенно седые, уложенные в высокую причёску. Платье — чёрное, строгое, с единственным украшением: брошью в виде горного цветка.

Она вошла в малую столовую и одним взглядом заставила всех замолчать.

— Добрый вечер, дамы и господа, — произнесла она. Голос был низкий, с хрипотцой, но твёрдый. Такой голос бывает у людей, которые привыкли командовать и не привыкли, чтобы им перечили. — Я мадам Дюбуа. Для тех, кто не знает. Прошу извинить, что не поприветствовала вас раньше. Дела.

Она села во главе стола, и Клаус тут же подал ей тарелку. Ужин начался.

Анна ела молча, наблюдая. Мадам Дюбуа сидела, как королева на троне, и её присутствие ощутимо меняло атмосферу. Даже Генри Уолш, который за обедом трещал без умолку,

теперь помалкивал. Маргарет Хейз перестала крошить хлеб и замерла, как мышь перед удавом. Эдвард Хейз смотрел в тарелку. Фройляйн Кляйн, единственная из всех, сохраняла спокойствие — она методично резала мясо и отправляла куски в рот, не глядя на хозяйку.

— Надеюсь, вам удобно, — сказала мадам Дюбуа, хотя это не было вопросом. — «Вайсхорн» — старый отель. Ему больше ста лет. Мой покойный муж купил его, когда мы только поженились. С тех пор здесь многое изменилось, но дух остался прежним. Горы не любят суеты.

— А что случилось с вашим мужем? — спросил Генри.

Тишина за столом стала абсолютной. Анна заметила, как Клаус, стоявший у буфета, замер. Как Пьер, сидевший в дальнем конце стола, перестал жевать. Как фройляйн Кляйн подняла глаза от тарелки и впервые за вечер посмотрела прямо на мадам Дюбуа.

Хозяйка отеля медленно положила вилку.

— Мой муж погиб, — сказала она ледяным тоном. — Давно. Это не та тема, которую я обсуждаю с гостями.

— Прошу прощения, — Генри примирительно поднял руки. — Я не хотел быть бестактным. Профессиональная привычка. Журналистское любопытство.

— Журналистское любопытство, — повторила мадам Дюбуа, и в её голосе послышалась едва уловимая насмешка, — часто приводит туда, куда не следует. Будьте осторожнее, мистер Уолш. В горах это особенно опасно.

Ужин закончился в молчании.

Анна поднялась к себе. Вечер тянулся долго. Она лежала на кровати и прислушивалась. Где-то внизу часы пробили девять. Половину десятого. Десять. ОТЕЛЬ постепенно затихал. Шаги в коридоре становились реже. Голоса стихали.

Анна ждала.

Она не знала точно, чего именно ждёт. Но она помнила слова, услышанные на террасе: «Сегодня ночью. После того, как все уснут». И ещё: «Он не должен ничего заподозрить».

Кто — «он»? И что должно случиться?

Часы пробили одиннадцать. Анна надела пальто поверх ночной рубашки, сунула ноги в туфли и приоткрыла дверь. В коридоре было темно, только в дальнем конце горел ночник — тусклая лампочка под потолком.

Она выскользнула из номера и бесшумно пошла по коридору. Третья ступенька скрипнула, и Анна замерла. Тишина. Она двинулась дальше.

В холле было пусто. Камин почти догорел, только угли тлели алым. Часы тикали. Анна огляделась. Куда они могли пойти? Что они задумали?

И вдруг она услышала звук. Где-то внизу, под полом. Глухой удар. Потом — шаги. Торопливые, но осторожные.

Подвал? В отеле есть подвал?

Анна огляделась. Она помнила дверь рядом с кухней — ту, которую она приняла за чулан. Но что, если это не чулан? Что, если это вход в подвал?

Она двинулась туда. Дверь была приоткрыта. Из-под неё пробивался свет — тусклый, колеблющийся, как от свечи.

Анна замерла у двери и прислушалась. Голоса.

— Давай быстрее, — шептала фройляйн Кляйн. — У нас мало времени.

— Я делаю всё, что могу, — отвечал Пьер. — Она заперта. Нужно подобрать ключ.

— Так подбирай! У тебя что, глаз нет? Или рук
Звук металла о металл. Звяканье ключей. Пьер что-то открывал. Что-то, что было заперто.

Анна затаила дыхание и заглянула в щель.

Она увидела каменные ступени, уходящие вниз. На стене дрожал огонёк свечи. Две фигуры склонились над чем-то — кажется, над старым сундуком или ящиком, стоявшим у дальней стены. Пьер возился с замком. Ида стояла рядом, держа свечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.